

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОГО ДИАЛОГА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

***Аннотация.** Статья представляет собой вклад в банк политического анализа некоторых проблем современной политической действительности и современного политического знания. Выделяются риски актуального геополитического фона научно-политической рефлексии; рассматриваются возможности объективной политологической методологии в отношении новаций международной повестки; прослеживается формирование блиц-фактологической экспресс-политологии. Осуществляется политическая аналитика в отношении государственно-гражданского консенсуса в его возможном новом институировании, в новых техниках и технологиях в целом и применительно к современной России. Выделяются проблемы, противоречия и диссонансы отношений власти и граждан, обосновываются детерминанты лояльности российского общества своему государству в пределах вертикализации власти и сужения публичной политики. Делаются предложения по достижению позитивного содержания государственно-гражданского консенсуса, основанного на функциональной социальности, политической легитимности и справедливости власти на позитивно-гуманистическом содержании гражданского патриотизма как платформы не только государственного, но и гражданского суверенитета.*

***Ключевые слова:** глобальный геополитический поворот, новая конструкция суверенитета, парадигмальная стройность политического знания, экспресс-политология, государственно-гражданский консенсус, консервативно-охранительная патронажная доктрина, рекрутинг гражданского общества, публичная политика, общественный компромисс.*

PROBLEMATIZATION OF STATE-CIVIL DIALOGUE IN THE CONTEXT OF A GEOPOLITICAL TURN

***Abstract.** The article is a contribution to the bank of political analysis of some problems of modern political reality and modern political knowledge. The risks of the current geopolitical background of scientific and political reflection are highlighted; the possibilities of an objective political science methodology in relation to the innovations of the international agenda are considered; the formation of a blitz-factual express political science is traced. Political analysis is carried out in relation to the state-civil consensus in its possible new*

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна — кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент, директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, ФГБОУ ВО «Пятигорского государственного университета», г. Пятигорск

institutionalization, new techniques and technologies in general and in relation to modern Russia. The problems, contradictions and dissonances of the relations between the authorities and citizens are highlighted, the determinants of the loyalty of the Russian society to the Russian state within the limits of the verticalization of power and the narrowing of public policy are substantiated. Proposals are made to achieve a positive content of the state-civil consensus based on functional sociality, political legitimacy, justice of power; on the positive humanistic content of civic patriotism as a platform not only of state, but also of civil sovereignty.

Keywords: *global geopolitical turn, new construction of sovereignty, paradigmatic harmony of political knowledge, express political science, public-civil consensus, conservative-protective patronage doctrine, recruiting of civil society, public policy, public compromise.*

Актуальный геополитический фон осуществления политической рефлексии

Современный политический мир демонстрирует весьма симптоматичный процесс — кризис демократии как идейно-политической доктрины, как политической системы и как государственного устройства в отношении гарантий прав человека и гражданина [1, с. 163–173]. Сам принцип гражданских прав и общечеловеческих приоритетов в XXI веке многократно трансформирован в угоду интересам транснациональных союзов, международного олигархата, террористических псевдогосударств, коррупционно-криминальных корпораций.

Накапливающиеся долгое время противоречия глобального характера вылились в далеко пролонгирующиеся потрясения. Второе десятилетие XXI века отмечено кризисом экономической, социальной, политической, нравственно-ценностной систем, в том числе демократического либерализма и либерального демократизма [2, с. 7–23]. Начался *глобальный геополитический поворот*, который обладает экономическими, социальными, политическими, а также и ценностно-этическими составляющими.

Предположим, что «увертюра» этого поворота состоялась в 90-е годы XX века с перестройкой в Советском Союзе и внедрением «нового мышления для нас и для всего мира», с распадом СССР и развалом системы социалистических государств [3]. Последствия реформ оказались не вполне предсказуемыми для инициаторов и идейных вдохновителей переустройства миропорядка. Стратегическое поведение стран и альянсов продемонстрировало не только всеобъемлющее стремление к демократическим приоритетам, символизированное разрушением Берлинской стены, но и геополитическое увлечение горизонтами нового господства, вопреки здравому смыслу и чувству экономического, политического, культурного самосохранения. Сами краеугольные камни демократии — подчинение меньшинства большинству, электоральность, многопартийность, разделение властей, активизм гражданского общества — обнаружили слабость в эпоху глобализма,

популизма, корпоративизма, консюмеризма, технократизма и другого [4]. Рациональный выбор в политике, как и добровольный, осознанный, неконъюнктурный выбор власти и персоналий власти во многом преобразованы в политехнологические процессуально-заказные конструкты [5]. При этом демократические принципы и нормы не оградили человечество от распространения недемократических мер — дискриминации, давления, устрашения, применения силы, в том числе и военной [6].

В течение последних лет геополитический фон государственно-гражданского договора как базового института диалога власти и граждан обострен тенденциями и закономерностями рискованной коннотации. Среди них: образование террористического псевдогосударства ИГИЛ (запрещено в Российской Федерации как террористическая организация), концентрация «черного расизма — расизма наоборот» в США, военная операция в Ираке, конфликт с элементами гражданской войны в Сирии, переформатирование радикальных сил в Афганистане, военные действия в Нагорном Карабахе, обострение армяно-азербайджанских отношений, попытки дестабилизации политических режимов в Белоруссии, Казахстане, Турции, а также экстремистские инциденты и акты немотивированного насилия.

Повсеместно наблюдаются провалы европейской и мировой дипломатии и отказ от устоявшихся моделей международных отношений [7, с. 17–30]. Стадиально реконструированы Договор об открытом небе (ДОН), Транстихоокеанское партнерство (ТТП), Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Парижское соглашение по климату, Факультативный протокол об обязательном разрешении споров в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года и другое. Пессимистической иллюстрацией несостоятельности европейской дипломатии стало неисполнение Минских соглашений по Луганской и Донецкой народным республикам, перспективную повестку которых предлагала Российская Федерация при очевидном нарастании националистического режима на Украине [8].

Начиная с 2010-х годов ощутимо аккумулируется международная напряженность, дезавуируются прежние договоренности и альянсы, усиливается поляризация мировых политических центров. Среди них прежде всего США наращивают свои активы, открыто узурпируют роль «сияющего града на холме», стремясь редуцировать роль России до масштаба региональной державы [9, с. 145–158]. Структурные противоречия и взаимные претензии в ЕС, распри европейской и заокеанской элит, мировая пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-2019 заметно снизили значение договоренностей между властью и обществом.

В то же время Россия, отстаивая свои интересы и формируя новую конструкцию государственного экономического, политического, культурного суверенитета, добивается высокого уровня национальной безопасности

[10, с. 11–33]. Она предлагает миру программу геополитического равновесия, полицентричного порядка и равноправия государств и наций, справедливого распределения ресурсов. Новое качество геополитического влияния России убедительно выразилось в борьбе с международными террористическими соединениями, признании независимости Южной Осетии, Абхазии, Крыма и в последующем принятии республики в состав федеративного государства, в поддержке Луганской и Донецкой народных республик.

2022 год стал во многом рубежным, во-первых, в позиционировании Российской Федерации в отношениях с коллективным Западом и США, во-вторых, в формировании базовых основ нового миропонимания и миростроительства на основе «стратегического сдерживания по Путину» [11]. Признание Россией независимости Донецкой и Луганской народных республик, специальная военная операция по освобождению населения Донбасса и по демилитаризации и денацификации Украины имеют как близкие, так и дальние функциональные и структурно-содержательные цели [12].

Применение к России геополитического изоляционизма, «культуры отмены», организационное и информационное третирование русского мира, русскости и российскости вызвало разнонаправленные реакции. Прежде всего, волевые решения Президента Российской Федерации определили консолидацию наших граждан вокруг главы государства, патриотический подъем на основе традиционной для российского общества оборонной патриотической идеи, а также готовность к самоограничениям и снижению набора потребностей в условиях санкций. В то же время в обществе присутствует и определенная настороженность в отношении личностных и групповых экономических и социальных перспектив, неуверенность в жизнеобразующей стабильности, настроения сожаления и сочувствия в связи с гибелью российских военнослужащих и гражданского населения Донбасса, которое в течение долгого времени подвергалось дискриминации со стороны официального Киева.

Современные геополитические феномены и институты, а также новации российского общественно-политического процесса заслуживают комплексного политического анализа.

Текущая проблематичность возможностей политической науки

Масштабные коллизии и риски современного политического времени и политического пространства привели к тому, что политическая наука оказалась далеко не всегда готова к объяснению происходящих процессов и, тем более, к прогнозированию политического будущего, как отдельных государств и наций, так и общепланетарного будущего человечества [13, с. 60–88; 13, с. 3–71].

Перечисленные выше инциденты имеют в первом политико-аналитическом рассмотрении объективные детерминанты и воплощают собой ординарную логику отношений государства и граждан. Во втором рассмотрении становится ясно, что названные сюжеты и тенденции сужают демократические предпосылки правового государства, в котором централизация власти редуцирует поле публичной политики, дисциплинирует гражданское общество и все более замещает «политику граждан» политикой правящего политико-экономического класса [13, с. 135–147].

Мировая мультипликация внутри- и межгосударственных процессов настолько разноречива, что под сомнение ставятся основополагающие стержни государственно-гражданского консенсуса. Политический анализ свидетельствует, что проекции консерватизма и модернизации, революционности и реформизма, традиционализма и либерализма, «правизны» и «левизны», персонификации власти и самосуверенизации гражданского элемента не только открыто оппонируют друг другу, но и скрыто перемещаются, взаимопроникают и замещают друг друга в программном и деятельностном выражениях.

В этих условиях закономерным сомнениям могут быть подвергнуты *парадигмальная определенность и методологическая стройность политического знания*. Сегодня далеко не всегда реализуемы такие привычные теоретико-когнитивные объяснительные и учебно-методические приемы политической науки, как понимание политической современности на основе исторической реконструкции и прецедентной каузальности; изучение политических действий в рамках политических структур и сетей; обоснование политического разнообразия межпроблемностью и кроссдисциплинарностью; интерпретации партийно-политического геноза с помощью инструментария стратно-классового детерминизма и сущностно-функционального инструментария и другое.

Явный кризис терпит как «аристотелевская», так «арендтовская» парадигма политологии как интерпретационного, прогностического, проектного знания [15]. Политическая наука в ее академическом выражении в некоторой степени утратила свою восприимчивость и замедлила фундаментальную аналитическую рефлексию вопреки распространенному убеждению в том, что *чем более противоречива и конфликтна политическая действительность, тем более рельефны ресурсы приращения политического знания*. Однако, по нашему мнению, острые политические и геополитические сюжеты катализируют не столько политическую науку в ее теоретико-методологическом выражении, сколько политическое комментирование, политический информационно-журналистский, колумнистский контент, а также политическое блогерство и политико-сетевую коммуникативистику [16].

Мы наблюдаем повсеместную *политическую блиц-аналитику, ТВ-политэкспертизу*, которые демонстрируют широкий содержательный

и оценочный дифферент. В этом смысле комментаторы, колумнисты, журналисты, корреспонденты, блогеры, держатели социальных интернет-страниц в ускоренном темпе составили новейшее экспертное сообщество, новейшую корпорацию лидеров общественного мнения (ЛОМ), референтных лиц, которые воздействуют на формирование коллективных ориентиров. В то же время радиостанции, ток-шоу, социальные сети и блоги стали аренами политической и военно-политической экспертизы, которая имеет ситуационное, реагирующее и часто поверхностное содержание.

Процессы последних лет как широкий ряд политико-интерпретируемых проблемных планов-перспектив (управленческих, территориальных, суверенитетных, этнических, конфессиональных, ценностных и иных) существенно подтолкнули оформление *фронтирно-фактологической экспресс-политологии*. В известном смысле, как это не сомнительно, она претендует на роль новейшей «доказательной политики и политики доказательств» [17, с. 60–81]. Ее типичными симптомами стали широкий круг заинтересованных компетентных и псевдокомпетентных акторов; распространенный спектр мнений и позиций; целевое акцентирование «истинной позиции»; категоричность суждений и использование негативных ярлыков; частое применение «обвинительных аргументов»; взаимное идейно-мировоззренческое недоверие, высокий эмоционально-экспрессивный накал.

В то же время в реализации экспресс-политологического интереса есть несомненные смыслы. Форматные и неформатные дискурсивные политические пространства продуцируют множество магистральных и сопутствующих политико-сущностных, политико-структурных, политико-институциональных и политико-технологических проблем, которые требуют осознания. Думается, что категориальные освоения многих приведенных ранее событий и тенденций состоятся в горизонтах политического знания в диалектическом научном алгоритме, который предусматривает не только доказательно-констатирующие, но и проектно-прогнозные аспекты.

Воссозданная выше картина современного геополитического пространства далеко не полна, однако и даже в таком схематичном виде она демонстрирует очевидные трудности гносеологических и онтологических интерпретаций политической действительности. В то же время политология, как отечественная, так и западная, продолжает выполнять свой функционал по осмыслению текущих вызовов. Здесь отметим, что многие диссонансы современной политологии детерминированы нарастающими противоречиями самого политического ряда, что в определенной мере мы относим и к современной российской политической науке, и к современной российской общественно-политической действительности в сегменте государственно-гражданского диалога.

Противоречивая диалектика государственно-гражданского диалога

Сегодня отношения государства и общества, как политико-институированные, так и политико-интуитивные, отягощены геополитическими реалиями, которые существенно трансформируют сложившиеся легитимные схемы отношений государства и граждан. Действительность в силу многих обстоятельств и факторов предъявляет новые требования к субъективированию государства и общества в достижении и применении государственно-гражданского консенсуса.

Не претендуя на понятийно-точную проблематизацию государственно-гражданского диалога, отметим отдельные обстоятельства, которые непосредственно и опосредованно воздействуют на его принципы, структуру, формы, а именно:

- образование новых межгосударственных альянсов, использующих друг против друга не только традиционное военно-политическое давление, угрозы применения оружия и его применение, но и глобальные экономические санкции и «культуру отмены», практики изоляции и остракизма;

- формирование новой «социальности войны», характер которой является не справедливо-освободительным, а политико-экспансионистским в силу императивно-категоричного навязывания государствам и народам «единственно верных путей развития» и конструирования однополярного мира с единым, якобы безусловным и безапелляционным центром силы и притяжения;

- преобразование этнополитических концепций как национально-освободительных в ксенофобные националистически-политические доктрины, разделяющие общество на более и менее правых по признаку расовой, этнической и религиозной идентичности;

- использование в государственных стратегиях и тактических технологиях управления дискриминационных мер в отношении целых наций и государств, которые якобы не могут быть включены в современный политико-структурированный паттерн на равных основаниях с «цивилизованными» субъектами;

- самоактуализация власти в пирамидальной вертикализации на основе оборонного или наступательного патриотизма для сохранения государственного идейно-идеологического суверенитета от враждебного внешнего воздействия чуждых политических идеологий и политических культур;

- усилия государства по переводу гражданских институтов на рельсы государственно-ориентированной клиентеллы, сужение публичной политики, форматирование гражданского активизма сверху;

- умножение бюрократического класса с расширением его приоритетов и выведением чиновников и олигархата из-под контроля общества на фоне

разобщения гражданских сил по идейно-мировоззренческим принципам, что мотивирует государство к усилению полицейско-репрессивных мер;

– использование в широком провокационно-информационном разрезе вульгарной дезавуации истории и героев прошлого в развитие войн истории и войн памяти при конъюнктурных фальсификациях исторических событий;

– примитивизация идентификационных образов наций, народов, сообществ, которым навязываются упрощенные нормативы маскульта, экстремизма, радикализма, агрессии, жестокости, стимпанка, клипового мышления и дипфейкового продукта.

Характерные свойства современного российского государственно-гражданского консенсуса

Современное состояние отношений внутри российского общества находится под воздействием мощных триггеров. Среди них выделяются внешнеполитическое давление и масштабные санкции, которые наносят существенный урон экономике, финансовой системе, социальной инфраструктуре, в целом состоянию общества и Российской Федерации. Ухудшение уровня жизни, падение роста производства, снижение предпринимательской активности, рост безработицы, снижение покупательной способности на фоне девальвации национальной валюты и инфляции могут стать факторами возможной дестабилизации по таким линиям, как отношения власти с обществом и взаимосвязи общественных групп между собой [18, с. 9–16].

В то же время интенсивными факторами упрочения отношений государства и граждан выступают решения Президента Российской Федерации как национального лидера, определяющего стратегию и тактику упрочения суверенитета страны. Независимая позиция главы государства находит поддержку большинства граждан, которые реанимируют в своем сознании славные и впечатляющие победы и свершения прошлого.

События последних лет и прежде всего 2022 года сдвинули инерционное политическое сознание россиян, предложив им вывести на авансцену общественного, группового и даже семейно-родственного дискурса проблему поддержки политической системы, политического режима, политической воли главы государства. Участие в гражданской детерминации государства и делегирование политическому классу интересов осуществляется гражданами по известной схеме «*Exit, Voice, and Loyalty*» («*выход — голос — лояльность*») [19]. Примеряя ее к содержанию государственно-гражданского консенсуса, стоит выделить характерологические свойства: собственно российские основания лояльности и верности граждан государству. Они заложены в русской идее, в российском коллективизме и коммунизме, в равнодушии большинства граждан к политической и экономической

автаркии и правовой автономии, а также к сегментированному социальному самоопределению. Россияне осуществляют гражданское позиционирование прежде всего в контексте исторической и мифологической реконструкции, в обращении к образам и следовании ритуалам [20, с. 73–83], по большей части, — военно-героическим и государственно-ориентированным, что всячески поддерживается и стимулируется властью.

Государственно-гражданский консенсус государства и общества в России имеет традиционно-консервативные императивы, которые разделяются и властью, и населением. Именно традиционалистская консервативно-охранительная патронажная доктрина государства имеет признание у большинства граждан, вопреки непопулярной для них социальной конкуренции и непривлекательной политической модернизации.

Достижение и динамичное развитие государственно-гражданского консенсуса планируется политической элитой страны через реструктуризацию управления, развитие экономики и производства; посредством оптимизации отношений собственности, а также отношений государства и разных групп населения — государственных служащих, пенсионеров, бюджетников, предпринимателей, бизнесменов, лидеров партий, общественных активистов, этнических и конфессиональных лидеров.

Сегодня на повестку дня выходят такие свойства государственно-гражданского консенсуса, как достоверность, результативность, соответствие меняющимся характеристикам и потребностям общества; добровольность структурирования со стороны общества вопреки административно-бюрократическим методам его выстраивания со стороны власти.

В то же время подчеркнем, что дефицитным свойством государственно-гражданского консенсуса является, на наш взгляд, *категориальное, институтированное и персонифицированное доверие граждан власти*. Доверие государству и его институтам, субъектам и акторам — важнейший политический капитал [21, с. 7–24]. Он не может механически воспроизводиться и должен быть продуктом встречного движения государства и общества. Однако именно государство в силу его предназначения, переданных полномочий и имеющихся ресурсов призвано заслужить доверие граждан, делегировавших ему организацию жизни, обеспечение безопасности, упрочение стабильности и так далее.

Некоторые обобщения и возможные предложения

В качестве резюмирующих соображений отметим, что обновление свойств государственно-гражданского договора в его российско-культурной, российско-социальной интерпретации может быть успешным при максимальной гуманизации отношений бюрократии и населения. Налицо особая потребность в *очеловечивании административно-управленческих техноло-*

гий, ликвидации конфликтогенного зазора между властью и гражданами, привнесении в политико-управленческие техники и технологии морали, нравственности.

Российскому государству и российскому обществу в поиске широкого консенсуса требуются взаимные достоверные политические принципы и взаимовыгодные транспарентные политические технологии. Они могут служить достижению *нового релевантного для России государственно-гражданского консенсуса* не негативного, а позитивного содержания.

Среди таких технологий предложим:

- поддержание со стороны граждан лояльности государству и главе государства не на основе электорального равнодушия и исторической сервильной верности суверену (царю, императору, генеральному секретарю), а на основе функциональной социальности и политической легитимности власти;
- популяризацию социально-позитивного гуманистического содержания гражданского патриотизма как платформу не только государственного, но и гражданского суверенитета, имеющего ресурс профилактирования радикально-агрессивных идей и социальных девиаций;
- формирование гражданской солидарности при обеспечении социального прогресса и формулировании привлекательного и внятного образа будущего российской гражданской нации и государства;
- наполнение стратегий и тактик политики, управления, администрирования социальным содержанием при нейтрализации коррупционно-криминальных «держателей и исполнителей власти» — чиновников, слившихся с бизнес-кругами;
- применение государственными структурами широких общественных компромиссов и согласований позиций разных групп населения (в том числе и оппозиционных) на базе объяснимых целей и прозрачных задач развития;
- создание благоприятных условий для повышения качества жизни и бизнес- и предпринимательских инициатив, организация социальных лифтов, вовлечение населения в общественно-значимые и общественно-полезные проекты;
- обновление форм государственно-гражданского, государственно-частного партнерства, сохранение муниципальной демократии, ротация и рекрутинг гражданского общества, расширение практик государственного заказа и муниципального гранта, поддержка социально-ответственного бизнеса и социально-ответственных общественных объединений;
- приближение партийно-политических программ к реальным интересам граждан при обновлении и де бюрократизации партийных элит и вовлечении их в подлинную конкуренцию за социальную базу;
- нейтрализация современных видов ксенофобии, национализма при максимальном учете этнокультурных, этноязыковых, этносоциальных,

этнополитических интересов граждан в общем тренде упрочения российской гражданской идентичности не только как эмоционального историко-символического, но и как рационально-правового и политического функционального комплекса.

Список литературы

1. Маунк Ю. «Демократия в обороне. Повернуть вспять авторитарную волну». *Foreign Affairs*, 2021. vol. 100, № 2.
2. Икенберри Г. Джон. Конец либерального международного порядка? // *Международные отношения*. 2018. Вып. 1. Т. 94.
3. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М.: Изд-во «Политическая литература». 1987. 272 с.
4. Мандельбаум М. Корни современной демократии // *Kontinent Media Group* [Электронный ресурс]. URL: http://www.kontinent.org/article_rus_48efdde361a8f.html (дата обращения: 28.04.2022).
5. Ван Рейбрук Давид. Против выборов. Пер. Бассина И., Торицына Е. Издательство Ад Маргинем Пресс, 2018. 200 с.
6. Цыганков АП., Цыганков П.А. Кризис идеи «Демократического мира» // *Международные процессы* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/nineth/003.htm> (дата обращения: 20.04.2022).
7. Дегтерев Д., Истомина И. Системное моделирование международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. Т. 59. № 11.
8. Путин предложил план по стабилизации ситуации на Украине // *Взгляд. Деловая газета*. 2014. 3 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/2014/9/3/703814.html> (дата обращения: 17.04.2022).
9. Грэм Т. Россия и США на мировой сцене. Часть II. Идеологический и геополитический путь к непреходящему соперничеству // *Полис. Политические исследования*. 2022. № 2.
10. Осавелюк Е.А. Национальная безопасность России: сравнительный анализ, понятия, определения и тенденции // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2022. № 1(23).
11. Путин заявил о непростой международной ситуации. Путин: международная ситуация складывается непросто, активность НАТО опасна. РИА новости. 23.02.2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220223/situatsiya-1774470274.html> (дата обращения: 27.04.2022).
12. Никонов: признание ДНР и ЛНР повлечет за собой комплекс межгосударственных соглашений // *ТАСС*. 21 февраля 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/politika/13789219?utm_source=ru.wikipedia.org&utm_medium=referral&utm_campaign=ru.wikipedia.org&utm_referrer=ru.wikipedia.org (дата обращения: 27.04.2022).
13. Андрущенко М.А., Якубин А.Л. Политическое время: микро-, мезо- и макроуровни // *Политическая наука*. 2009. № 1; Чихарев И.А. Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных исследованиях // *Политическая наука*. 2009. № 1.

14. Соловьев А.И. Власть и политика. Полемические заметки по поводу «проклятых» вопросов политической теории // Полис. Политические исследования. 2020. Т. 29. № 6.
15. Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 2019. 319 с.
16. Итоги Первого Московского политологического форума в Президентской академии совместно с РАПН и АПН «Политическая наука сегодня: междисциплинарные подходы». Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва. 15–16 апреля 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rapn.ru/in.php?part=5&gr=69&d=6199> (дата обращения: 30.04.2022).
17. Соловьев А.И. «Доказательная политика» и «политика доказательств» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5.
18. Дудин М.Н. Протестные настроения и уровень жизни населения России: краткий эмпирический анализ // Власть. 2022. Т. 30 № 1.
19. Хиршман Альберт О. Выход, голос и лояльность: реакция на упадок фирм, организаций и государств. Новое издательство. 2009. 156 с.
20. Семенов Е.Е. Политическая публичная сфера: пространство ритуала // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2(20).
21. Ковалевская Д.Д. Уровень доверия граждан к институтам государственной власти как фактор устойчивости политического режима в России // Власть. 2021. № 4(42).